

«Лейба». Иллюстрация к поэме Шевченко «Гайдамаки», худ.А.Сластион

Как возник стереотип «ключей от церкви», был ли юдофобом Тарас Шевченко, кто стал первым еврейским голосом в украинской литературе и почему евреи в штетлах обеспечивали аншлаги украинскому театру — об этом и многом другом в интервью с приглашенным лектором магистерской программы по иудаике Киево-Могилянской академии, литературоведом, профессором университета Манитобы, д-ром Мирославом Шкандрием.

— Первым произведением современной украинской литературы считается созданная в 1798 году «Энеида» Котляревского. А в каком контексте появляются в поэме иудеи?

— Я был приятно удивлен, что, например, упоминание Котляревским шинка, куда женщина собирается на танцы, не несет никаких негативных коннотаций. Такой же подход сохраняется при описании ада, где сидят злодеи и грешники разного рода — там полный интернационал, где евреи никак не выделяются из общего ряда, хотя они там есть.

— Пройдет совсем немного времени, и образ еврея станет зловещим благодаря клише «ключей от церкви», которые евреи-арендаторы якобы держали у себя в корчмах и выдавали православным за мзду. Как возник этот стереотип и имеет ли он под собой основания?

— Первоисточник этого клише я нашел в изданной в 1846 году на русском языке «Истории русов или Малой России». Правда, речь там идет о событиях 1648 года, хотя в документах эпохи Хмельницкого тема «ключей от церкви» практически не звучит, как не звучит она и в религиозной полемике того времени. Даже в самом антиеврейском тексте XVII века — «Мессии правдивом» архимандрита Иоанникия — нет свидетельств ни о чем подобном.

Об этом начинают «вспоминать» лишь в казацких хрониках конца XVIII века, а окончательно стереотип оформился уже в 1840-е годы благодаря Николаю Костомарову и Пантелеймону Кулишу, которые канонизировали его в своих произведениях. В подтверждение аутентичности этой истории они ссылались на фольклор, в частности, «Думу про утиск України євреї-ськими орендарями» та «Думу про Корсунську битву». Правда, первая дума была записана самим Кулишом, который имел привычку править оригинальные материалы на свое усмотрение. Так, например, он украшал дополнительными деталями сцены произвола над православными. Именно поэтому польские ксендзы у него перемещаются между селами якобы не на лошадях, а верхом на людях; *все* православные церкви сдаются в аренду евреям; евреи принимают ключи от храмов и веревки от колоколов, уносят с собой в кабаки и позволяют христианам отправлять службы только за «большие деньги»; евреи продают водку в церквях и сами пекут паски и т.д.

Николай Костомаров

Пантелеймон Кулиш

Имел ли этот стереотип под собой основания? Историк из Еврейского университета в Иерусалиме Юдит Калик проанализировала, откуда у него растут ноги. Иногда магнаты-католики, владевшие землей, закрывали церкви за неуплату крестьянами долга. Ответственность за сбор таких долгов, как и за сбор налогов, часто возлагали на евреев. Но они не арендовали церкви — это миф, подтверждение которому не нашел и Михаил Грушевский, которому эта история тоже казалась подозрительной. Более того, речь шла об *общей* норме для евреев, католиков и православных — если вы задолжали за аренду земли, то вашу синагогу, церковь или костел закрывают до уплаты долга…

Скажу больше, в основном, это касалось как раз костелов — но об этом вы не найдете ни слова в произведениях украинской литературы того времени — этот факт усложнял и фактически разрушал стереотип «ключей от церкви», поэтому его просто игнорировали.

— Почему же этот антиеврейский домысел так охотно был подхвачен украинскими просветителями вроде Костомарова и Кулиша?

— В период романтического национализма подобным клише отдали дань многие писатели, включая Гоголя. Да и по всей Европе возникла мода на все исконно-народное, в рамках которой *наша* и только *наша* традиция глубока и

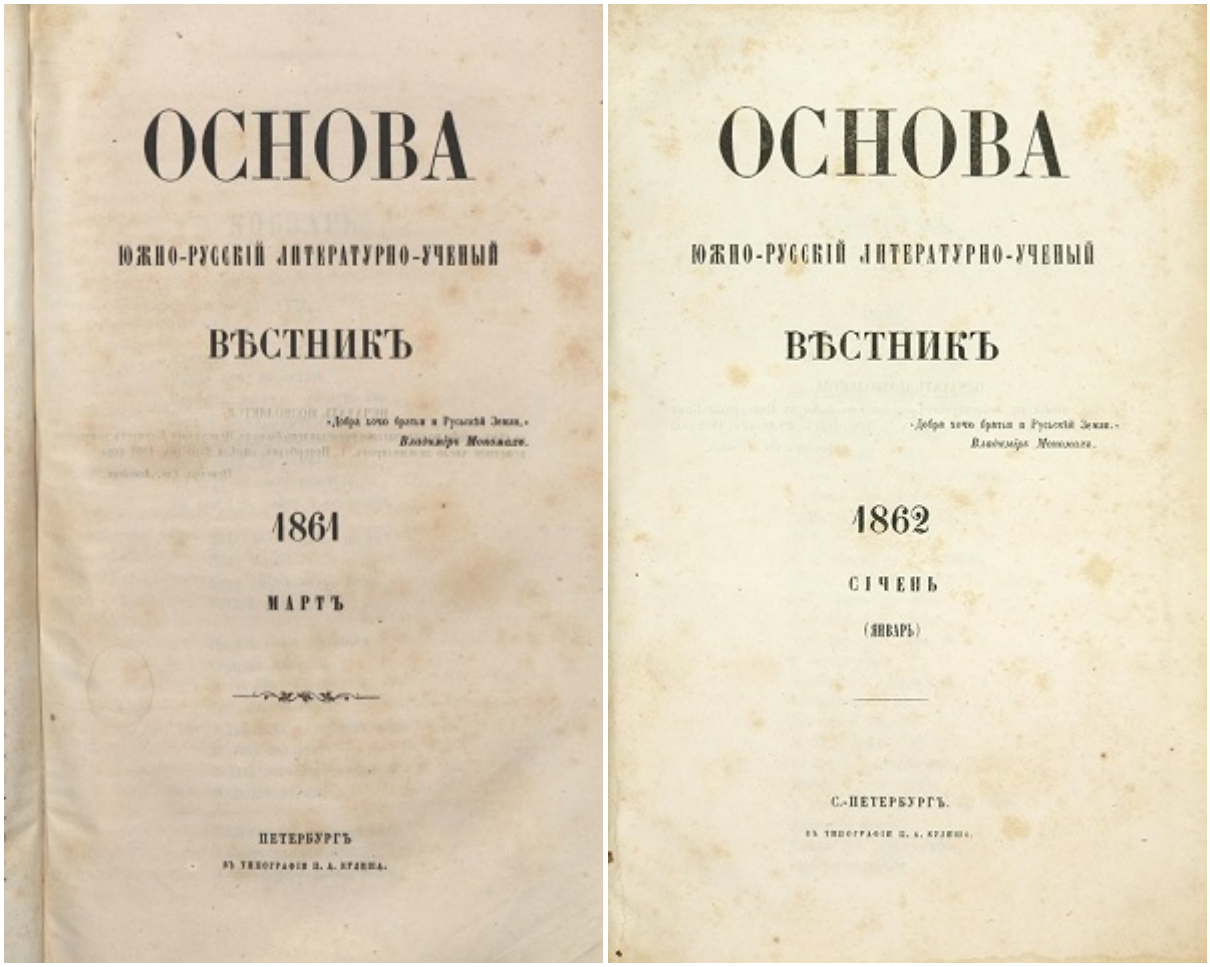
величественна, но она угнетена, а, значит, надо найти того, кто ее угнетает.

Поэтому и Кулиш, и Костомаров развили тему злого арендатора-еврея, запрещающего православным служить в церкви, а последний вообще выбрасывал из народного эпоса все, что не укладывалось в его концепцию. Франко отмечает, что и у Кулиша, записывавшего одну думу, слова «ляхи, милостивые паны» везде заменены на «жиды-арендаторы».

При этом тот же Костомаров выступил против первого проекта памятника Богдану Хмельницкому в Киеве, где под копытом коня гетмана оказались польский шляхтич, еврей-арендатор и иезуит.

— Когда началась дискуссия о нормативности слова «жид» в украинском языке, право на свободное употребление которого по сей день отстаивают некоторые украинские патриоты?

— В 1860-61 годах на страницах издававшегося в Петербурге украинского журнала «Основа» развернулся большой спор, затронувший и эту тему. Украинцы настаивали, что слово «жид» в украинском — так же, как в других восточноевропейских языках — вполне нейтрально. Еврейские публицисты согласились, что все зависит от контекста, но уже к концу XIX века такие авторы, как Леся Украинка предпочитали употреблять «еврей» вместо традиционного «жид».

Номера журнала «Основа»

В Большой Украине именно слово «еврей» стало нормативным, отчасти благодаря писателям, его использовавшим. В Галичине «жид» оставался нормой намного дольше, но сегодня это вопрос решенный.

— Отношение к евреям Тараса Шевченко — тема, о которую сломано много копий. И, тем не менее, можем ли мы назвать Кобзаря юдофобом, или он был просто человеком своего времени со всеми присущими ему представлениями о «чужом»?

— Шевченко — уникальная фигура, намного масштабнее и глубже Костомарова и Кулиша. Его, к сожалению, читают невнимательно, и это уже стало традицией. Шевченко писал разными голосами, иногда перекрывающими друг друга, в его произведениях до семи-восьми нарраторов, и они постоянно переключаются.

Он зафиксировал антисемитские настроения, например, в «Гайдамаках», но

эта поэма сложнее, чем кажется на первый взгляд. Да, Лейба эксплуатирует Ярему, но потом они вместе идут в польский лагерь и крадут Оксану. Переодетый гайдамаком Лейба помогает Яреме, а в другом эпизоде Ярема-мститель проезжает свое село, где был наймитом у Лейбы, и испытывает некоторую ностальгию. Все очень странно, в голове читателя возникает путаница.

На самом деле украинско-еврейские отношения были гораздо более интимными, чем мы себе представляем. Шевченко это понял и передал эту интимность культурного взаимодействия. К тому же его взгляды пережили определенную эволюцию.

«Лейба и Ярема». Иллюстрация к поэме Шевченко «Гайдамаки», худ.А.Сластион

Я часто вспоминаю в этом контексте «Думу про Опанаса» Багрицкого. Она написана тем же ритмом и стилем, что и «Гайдамаки», есть и сюжетная аналогия — противостояние украинского крестьянина и комиссара-еврея. Они, безусловно, враги, но враги, хорошо понимающие друг друга, между которыми существует глубокая связь. Эту связь критики часто не замечают, а

она принципиальна, и позволяет понять, почему евреи в украинской литературе изображены иначе, чем в русской. Именно в силу того, что мы соседи…

— Во второй трети XIX века мы сталкиваемся с удивительным явлением — участием отдельных евреев в украинофильском движении…

— Да, это был период встречи украинской и еврейской интеллигенции — в рамках движения за, говоря современным языком, гражданские права. В этом контексте стоит упомянуть банкира Всеволода Рубинштейна, финансового поддерживавшего украинские круги, и редактора произведений Шевченко, крещеного еврея Вильяма Беренштама.

Торговая и промышленная элита — крупные сахарозаводчики, банкиры, железнодорожные короли — начала развивать города и городскую культуру. Еврейские и украинские меценаты стали чаще контактировать, и в 1880-х годах в изображении украинско-еврейских отношений появляются филосемитские нотки.

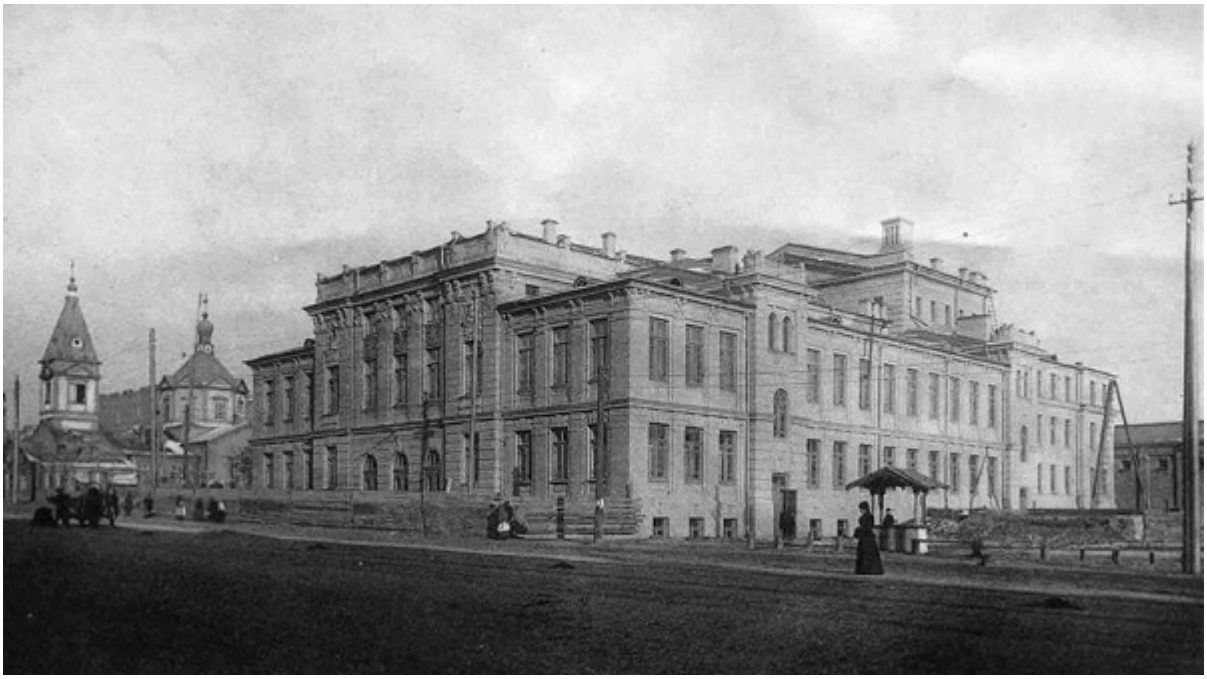
— В начале XX века, на фоне государственного антисемитизма и погромной волны, отношение к еврейскому вопросу стало маркером либерализма и свободомыслия. Во всяком случае, для российских писателей. А что думали на этот счет украинские литераторы и публицисты?

— Борьбе за еврейское равноправие сочувствовали такие издания, как «Украинский вестник» Грушевского, выходивший в Санкт-Петербурге с 1906 года, и журнал «Украинская жизнь», издававшийся в Москве усилиями Симона Петлюры. Во время революции 1905 — 1906 гг. Грушевский писал, что евреи, как и украинцы, являются жертвами иностранного господства, и настаивал на рассмотрении Думой закона об отмене черты оседлости. Адвокат Арнольд Марголин (впоследствии — заместитель министра иностранных дел Директории) имел широкую поддержку со стороны украинских кругов в ходе выборов в I Государственную Думу.

Кроме того, еврейская библейская история стала для многих украинских литераторов метафорой борьбы против угнетения. Подчеркну, я говорю не о народных массах, а тонкой прослойке интеллигенции, которая начала разрушать стереотип «ключей от церкви». Попутно создавая

сентиментальный образ бедного, униженного еврея, вызывавший сочувствие — образ отчасти наивный, но позитивный.

Огромную роль в культурном взаимодействии играли театральные деятели. Еще в 1878 году Карпенко-Карый пытался изменить закон, запрещавший прием еврейских детей в реальные училища, а во время погрома 1881 года в Елисаветграде приютил несколько еврейских семей.

Троицкий народный дом, где располагался театр Садовского, ныне здание Оперетты

С открытием первого стационарного украинского театра в Киеве в 1907 году в его репертуаре сразу появились пьесы на еврейские темы. Здесь — в театре Садовского — ставили Авраама Гольдфадена, Шолома Аша и Якова Гордина. Пьесы последнего — «Мирele Эфрос» и «Сиротка Хася» — имели огромный успех.

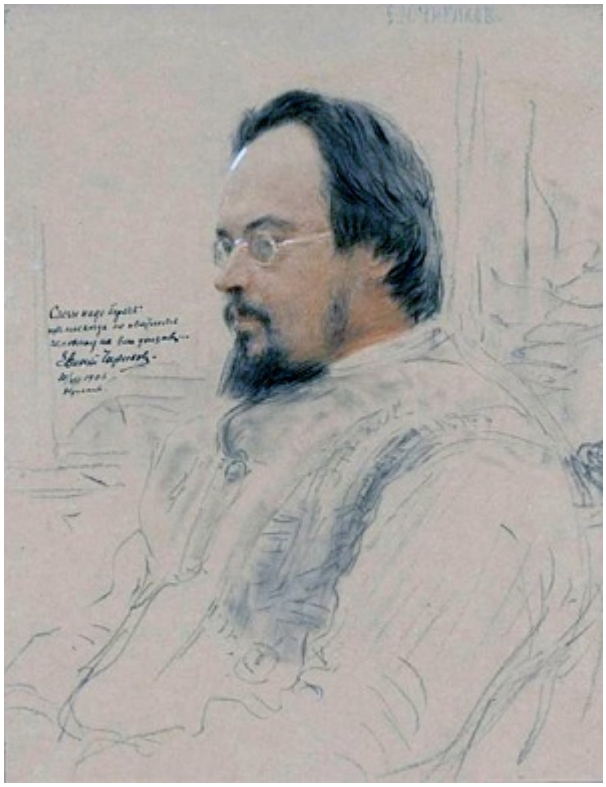
К открытию сезона 1907 года Садовский готовил пьесу Евгения Чирикова «Евреи» в украинском переводе с великой Марией Заньковецкой в роле Леи, но цензура запретила постановку. Тем не менее, премьера, ставшая ответом на погромы 1905 года, состоялась в следующем сезоне. Есть свидетельства, что эта пьеса повлияла на двух будущих грандов украинского театра — Леся Курбаса и Гната Юру.

Вышедший в 1907 году украинский перевод «Евреев» содержал предисловие Симона Петлюры, отмечавшего, что «страдания Нахмана вызывают глубокое сочувствие в каждом, независимо от того, принадлежит ли он к этому народу, исторической судьбой которого стал тяжкий крест притеснений и насилия». В те годы Петлюра редактировал киевскую газету «Слово», разоблачавшую шовинизм и антисемитские взгляды некоторых авторов газет «Рада» и «Рідний край».

Нельзя обойти вниманием и огромную популярность бродячих театров — как украинских, так и еврейских, которые добирались до каждого медвежьего угла. Между прочим, в штетлах евреи обеспечивали аншлаги украинскому театру. Шел постоянный культурный обмен — украинские труппы реконструировали мир, хорошо знакомый евреям, и наоборот. Это происходит и сегодня — в моем родном Виннипеге я с удовольствием хожу в еврейский культурный центр, где демонстрируют старые фильмы на идише. Такое впечатление, что ты попал в украинский мир, говорящий на другом языке. Думаю, такое же впечатление складывалось у евреев, ходивших на украинские спектакли — это были не герметично замкнутые миры. Этим и интересна украинская культура, включающая и поляков, и русских, и немцев.

Для меня, например, большим откровением стали пьесы, написанные в 1920 — 1922 годах о том, как еврейки влюбляются в украинцев — эти постановки шли с большим успехом в маленьких городах по всей Канаде, и это забытая страница истории.

Евгений Чириков и его пьеса «Евреи»

А кто, например, помнит сегодня о хореографе Василе Авраменко, фактически создавшем современный украинский танец? Он гастролировал со своим коллективом по всему миру, а одним из любимых его танцев была еврейская хора — он везде его исполнял, в том числе и в Медисон сквер гарден, когда на сцену одновременно вышло более 500 человек, и в 1970 году в Иерусалиме.

— Первый еврейский голос в украинской литературе — Гриць Кернеренко (Кернер) — свой среди чужих, чужой среди своих?

— В определенной мере — да, как он сам писал в стихотворении «Не рідний син»:

Прощай, Украйно моя —

Тебе я кинуть мушу:

Хоч за тебе я б оддав

Життя і волю й душу!

Але я пасинок тобі,

На жаль, це добре знаю.

Й проміж других дітей твоїх

Я не живу — страждаю.

Несила знести вже мені

Глумлінь тих понад міру

За те, що я й твої сини

Не одну маєм віру.

Тебе ж, Украйно моя,

Я буду вік кохати:

Бо ти хоч мачуха мені,

А все ж ти мені — мати.

Это написано в 1908 году, и очень точно передает ощущение раздвоения идентичности.

Я вырос в совсем другую эпоху, в украиноязычной семье в Британии, но даже я ощущал нечто подобное, хотя и в гораздо меньшей степени. В Канаде, где я живу сегодня, официально закреплена политика мультикультурализма. Но Кернеренко жил в абсолютно иных реалиях, когда требовалоось особое мужество для выбора украинско-еврейской идентичности. Именно он своим творчеством обратил внимание на то, что есть и *такие* украинцы — и это стало прорывом в украинской литературе.

Кернеренко довольно активно печатали на страницах престижных журналов и

в антологиях, многим было важно услышать этот голос, осознать, *что значит быть украинцем* — не по рождению, а в силу сознательного культурного выбора.

— Как отразился провал украинско-еврейского сближения в период УНР в публицистике и художественной литературе?

— На волне всеобщего подъема еврейские партии поддержали Центральную раду, и это было крайне важно для УНР, ведь среди городского населения украинцы составляли не более трети. Остальные две трети — это русские и евреи на востоке, и поляки и евреи — на западе. Это и обусловило политику УНР, направленную на предоставление меньшинствам национально-персональной автономии.

Братская могила жертв петлюровского погрома в Проскурове

Все мы знаем, что было потом — погромы 1919 года отозвались в украинской

литературе криком боли. В 1919-м (согласно отрывочным свидетельствам, якобы по просьбе Петлюры) Степан Васильченко пишет рассказ «Про жидка Марчика, бідного кравчика», опубликованный в газете «Україна» в тогдашней столице УНР Каменец-Подольском, и вышедший отдельным изданием. Сюжет нехитрый: бедный еврей приветствует вместе со всеми Февральскую революцию, но через год гибнет в погроме.

Писал о погромах и Клим Полищук, его рассказ «Окольными путями» (из записной книжки неизвестного)» — это дневник красноармейца, бывшего сторонника украинской независимости, павшего в бою. Он потрясен жестокостью войны, особенно, когда находит тело Иды Гольдберг — знаменитой актрисы, убитой во время погрома. По иронии судьбы, командиры украинского и большевистского полков хорошо знают друг друга, поскольку росли вместе. Оба считают, что борются за независимую Украину. Но эти двое — еще не вся Украина: описывая похороны своей любимой актрисы, автор замечает, что две Украины сражаются друг с другом, а третья лежит перед ними в могиле.

— Можно ли сказать, что политика украинизации и коренизации в 1920-е сделала украинцев и евреев союзниками в сфере культурного строительства?

— В этом контексте характерна книга Майка Йогансена о еврейских колониях, написанная в 1929 году. Он пишет, что стенгазеты выходят на двух языках: идише и украинском. Местный театр за зиму поставил шесть пьес: две на идише и четыре по-украински. Младшее поколение, в отличие от стариков, общается уже на украинском. Он пишет о еврейских девушках, скачущих по степи, о землепашцах-евреях, о футболистах, играющих за украинскую сборную, о здоровенном агрономе устрашающего вида. Как и зарисовки колонистов, сделанные в те годы художником Марком Эпштейном, портреты Йогансена свидетельствуют, что еврейские колонии уже мало отличались от соседних немецких или украинских.

«Красноармеец-трубач», худ. Марк Эпштейн

«Женщина кормящая козу», худ. Марк Эпштейн

— Будущий председатель Союза писателей (СП) УССР Юрий Смолич действительно утверждал, что в 1920-е для многих евреев украинский язык стал родным. А можно ли говорить о появлении в эти годы плеяды писателей-евреев, сделавших себе имя в украинской литературе?

— В первую очередь, это Леонид Первомайский (Гуревич) — большой украинский писатель, произведения которого, к сожалению, изуродовали поздними редакциями, где еврейский Б-г стал «природой», религия — «философией», а ребе — «добрым человеком».

В 1920-х годах еврейский голос отчетливо прозвучал в поэзии Раисы Троянкер, где ностальгия по еврейскому детству сочеталась с откровенным эротизмом. В 13 лет девочка сбежала из Умани с итальянским укротителем тигров из бродячего цирка. Позже она влюбилась во Владимира Сосюру, и поехала за ним в Харьков, где опубликовала два сборника.

Много евреев было среди литературных критиков и, в отличие от Кернеренко,

их уже не попрекали происхождением. На глазах рождалась новая городская украинская культура, и евреи играли в этом процессе не последнюю роль.

С другой стороны, еврейские персонажи начинают появляться в произведениях многих украинских писателей: Мыколы Хвылевого, Николая Бажана, Бориса Антоненко-Давидовича, Юрия Смолича и многих других.

Лариса Троянкер

Леонид Первомайский

Этой волны украинизации и коренизации испугались в Москве. У меня как раз вышла книга, где проанализированы первые труды по истории украинской революции, написанные евреями. Авторы, например, сторонник украинизации Моисей Равич-Черкасский, член Центральной Рады Моисей Рафес критикуют российский шовинизм и антиукраинские настроения некоторых членов КП(б)У — все их статьи по этим вопросам были запрещены в 1926-м, уничтожены и забыты.

Как были репрессированы и ученые-евреи, сыгравшие активную роль в украинизации — одна из основательниц Института украинского научного языка Всеукраинской академии наук Олена Курило, редактор «Літературної газети» Самийло Щупак и т.д.

— Тем не менее, в украинской литературе всегда существовали и антисемитские голоса — и голос талантливого прозаика Аркадия Любченко стал одним из наиболее громких…

— Есть версия, что антисемитизм Любченко зародился еще в 1919-м, когда его якобы выдал ЧК местный портной-еврей. В 1930-е он возмущался тем, что 24 из 60 писателей (согласно его же подсчетам) живших в престижном доме «Ролит», имели еврейское происхождение. Он клеймит своего заклятого врага Натана Рыбака, который, по мнению Любченко, манипулирует главой СП Корнейчуком, на сестре которого Рыбак был женат. По некоторым сведениям, и другие украинские писатели протестовали, что ими руководит еврей, известно даже выступление Александра Довженко на заседании СП, заявившего, что «евреи отравили украинскую культуру… они всегда будут нас ненавидеть, пытаются проползти везде и захватить все». И режиссера никто не одернул.

Что касается Любченко, то его антисемитизм носил расистский характер, недаром, он редактировал при немцах харьковскую газету «Нова Україна». Особенно сильное впечатление производят страницы его дневника с описанием эшелона с венгерскими евреями, следующего в лагерь смерти: «Седые, горбоносые, пейсатые — не жалко их, они мой народ столько веков и так безжалостно мучили».

Он был поглощен культом силы, который в 1930-е годы стал доминировать и в политике, и отчасти в литературе. Любченко пишет о зверях, о человеческой природе, о желании видеть силу в своем народе — все это умножило его ненависть к евреям, и он откровенно об этом говорит.

Аркадий Любченко

НОВА УКРАЇНА

ПЕРЕД БРАМАМИ МОСКВИ

ХАРКІВ—ФЮРЕРОВІ АДОЛЬФОВІ ГІТЛЕРОВІ

Первый номер газеты «Нова Україна», 7 декабря 1941 года. mediaport.ua

— Любченко восхищался культом силы, а большинство коллег по цеху — и украинцев, и евреев — пошли за другим культом. Тот же Первомайский прошел путь от сентиментального еврейского писателя до воинственного сталиниста, поставившего силу слова на службу партии.

— По некоторым данным, даже Мыкола Хвылевой служил в ЧК, а «Партия ведет» Павла Тычины может служить примером кровожадной риторики 1930-х. И это не исключительно нацистское или большевистское явление — Хемингуэй и Киплинг тоже отдали дань этому тренду, Филиппо Маринетти писал, что итальянцы должны есть не пасту, а побольше мяса, чтобы приобрести боевой дух. Социальный дарвинизм охватил мир. Чтобы выжить, мы должны быть крепкими и сильными, иметь когти, как писал один из идеологов ОУН Владимир Мартынец.

Но этот период прошел, и тот же Первомайский в 1960-х писал совсем другие стихи, словно искупая свое увлечение культом силы.

— Еврейско-украинские писательские войны в конце 1940-х — начале 1950-х надолго испортили отношения между собратьями по перу?

— В 1947-м, когда началась атака на «буржуазных националистов», обличительные письма с нападками на Максима Рыльского, Юрия Яновского и Петра Панча подписали такие критики-евреи как Евгений Адельгейм и Илья Стебун (Кацнельсон).

Прошло несколько месяцев и украинские писатели «ответили» еврейским коллегам. Любомир Дмитерко набросился на критика Александра Борщаговского, разнесшего в свое время «Богдана Хмельницкого» Александра Корнейчука, и на Ефима Мартыча (Финкельштейна) — за нападки на «Ярослава Мудрого» Кочерги. В осквернении украинского классического наследия обвинили Абрама Гозенпуда, Лазаря Санова (Смульсона) и упомянутых выше Стебуна и Адельгейма.

В 1951-м развернулась еще одна кампания по разоблачению «украинских буржуазных националистов», а в 1952 — 1953-м годах прошли «антисионистские» чистки. Один год вычищали евреев, а потом украинцев — одни топили других, а потом колесо поворачивалось в другую сторону — люди идут на подлость в периоды политической паранойи, чистеньких не остается.

— Как украинские писатели отреагировали на Холокост?

— Прежде всего, надо понимать, что акцент на еврейской трагедии, мягко говоря, не приветствовался властями. Тем не менее, Николай Бажан еще в 1943-м году отдал дань памяти Бабьему Яру — за 18 лет до Евтушенко. Тычина в 1942-м написал «К еврейскому народу» и «Народ еврейский», а Максим Рыльский год спустя — «Еврейскому народу». Другое дело, что эти стихи не дошли до читателя, строфы Рыльского увидели свет лишь в 1988 году.

Портрет Николая Бажана, худ. Я.Кравченко, liveinternet.ru

Докия Гуменная

Мало кто знает о романе Докии Гуменной «Хрещатый Яр», основанном на дневнике, который она вела в годы оккупации. Конформизм, вина молчаливых свидетелей, реакция на запредельный ужас — все эти вопросы стали обсуждаться в обществе десятилетия спустя, но все они подняты у Гуменной. Роман вышел на Западе в начале 1950-х — резонанс был огромный, ведь речь шла о первой попытке осмысления Холокоста и украинско-еврейских отношений в эти годы — «Бабий Яр» Кузнецова был написан десять лет спустя. Но вскоре о книге забыли, а в Украине она до сих пор не издана и практически неизвестна.

Характерно, что писательница не идеализирует абстрактный «народ», хорошо зная, на что способен этот простой народ с его замечательными традициями. При этом взгляд Гуменной на украинскую идентичность намного опередил свое время — она видит членами большой украинской семьи все народы, оставившие след в нашей истории и культуре — от древних трипольцев до современных евреев.

— Нашлось ли евреям «литературное» место в рамках нового советско-украинского патриотизма?

— Им нашли место в далеком прошлом, но изменили контекст — евреи стали союзниками украинцев и вообще, положительными героями. В стихотворной драме Бажана «Олекса Довбуш» еврей-хозяин и его дочь — верные друзья и помощники благородного разбойника. В повести Якова Качуры «Иван Богун» еврей по имени Ицик присоединяется к казакам, при этом бьется ловко и лихо. Иван Ле в своем историческом романе «Наливайко» тоже вывел образ еврея, присоединившегося к восстанию Северина Наливайко.

Такой писатель, как Павло Загребельний в романе «Я, Богдан» нарушил табу на описание антиеврейского насилия, коснувшись темы погромов периода Хмельнитчины.

— Это интересный, но единичный пример. А насколько современные украинские литераторы готовы обсуждать не только идиллические, но и трагические страницы совместной истории?

— Пока не очень готовы, ведь эти темы еще не проговорены в обществе. Но делать это необходимо — для начала хотя бы издать дневник той же Докии Гуменной. Многие еще не осознали проблему участия украинцев в Холокосте, тем более, что это иногда идет вразрез с некоторыми нарративами ОУН и УПА.

Каждый случай должен рассматриваться индивидуально — среди членов УПА были и настоящие герои. Но нельзя забывать о том, что творили некоторые члены ОУН в 1941-м в Галичине, или члены УПА в 1943-м на Волыни — один и тот же человек мог быть и жертвой, и преступником — это очень сложная история, и еще не появился писатель, рассказавший об этом.

Вместе с тем, в 2000-е вышли очень интересные произведения, например, «Солодка Даруся, або Драма на три життя» Марии Матиос. Действие романа происходит во время Второй мировой войны в буковинском селе — это честная книга, раскрывающая тему участия местного населения в насилии и присвоении имущества при очередной смене власти.

Мария Матиос

Моисей Фишбейн

Вообще, Украина очень интересная страна — здесь существуют проблемы, бросающие вызов историкам, писателям, гражданскому обществу. Это заставляет тебя размышлять над сложными вопросами, и от этой сложности нельзя убежать.

— Возникла ли еврейско-украинская идентичность в современной украинской литературе или Моисей Фишбейн остается в этом смысле уникальным автором?

— У Фишбейна произошел чрезвычайно удачный сплав идентичностей. Это украинский поэт, которому было суждено родиться евреем. Его творчество как бы завершает дискуссию об украинской идентичности еврейских писателей, начатую Кернеренко, Троянкер и Первомайским. Эта эволюция отражает формат восприятия украинского еврея: сперва как «чужака», потом — как неудобного «своего» и, наконец, вполне приемлемого «своего».

В последние годы многие гражданские активисты, журналисты, да и не только они, стали позиционировать себя как украинские евреи — и это важно не только для Украины, но и для Запада, где при словосочетании «украинский

еврей» люди удивленно вскидывают брови. После Майдана мы живем в совершенно иную эпоху — эпоху рождения новой Украины и нового понятия украинства. Мы сидим с вами в центре Киева в крымско-татарском ресторане — и это тоже Украина, один из вариантов новой украинской идентичности, которая формируется на наших глазах. Главное сегодня — не мешать ей развиваться.

Беседовал Михаил Гольд, LB.ua